НОВЫЕ МЕДИА

Гавра Дмитрий Петрович, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: d.gavra@spbu.ru

Быкова Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.bykova@spbu.ru

МЕДИАТИЗАЦИЯ И ДЕМЕДИАТИЗАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КЕЙС КОНСЕРВАТИВНОГО МАНИФЕСТА К. БОГОМОЛОВА «ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ 2.0»

В статье представлена теория медиатизации локальных информационных поводов с ценностно-политическим содержанием и результаты эмпирического исследования процессов медиатизации-демедиатизации в рамках конкретного кейса – реакции пользователей социальных сетей на публикацию российским режиссером К. Богомоловым Манифеста «Похищение Европы 2.0.» в «Новой газете» 10.02.2021. Авторы показывают трансформацию процессов формирования политической повестки дня в социальных сетях в условиях экспансии инфлюенсеров. Обсуждается категория медиатизации, выделяются ее уровни, показывается возможность реализации медиатизационных процессов на микроуровне. Вводится понятие культурно-эстетического инцидента как повода для медиатизации, определяются факторы, влияющие на медиатизационный потенциал такого инцидента. Вводится понятие демедиатизации и описываются ее характеристики на макро- и микроуровне. Проводится эмпирическая верификация предположений об онтологии и инструментах локальной демедиатизации на примере сетевых дискуссий вокруг консервативного по своей природе манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0.». Показано, как сетевая общественность перевела рассматриваемый инцидент на траекторию демедиатизации, размыв ценностный нарратив и опустив дискуссию на обиходно-бытовой уровень. В статье авторы демонстрируют реализацию процесса демедиатизации в сетевой среде посредством коммуникативных практик, противоположных медиатизации.

Ключевые слова: *манифест, политическая повестка дня, инфлюенсеры, культура, медиатизация, демедиатизация, социальные сети.*

Dmitry P. Gavra, Doctor of Sociological Sciences, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail:d.gavra@spbu.ru

Elena V. Bykova, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg; e-mail: e.bykova@spbu.ru

MEDIATIZATION AND DEMEDIATIZATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: THE CASE OF K. BOGOMOLOV'S CONSERVATIVE MANIFESTO "THE ABDUCTION OF EUROPA 2.0."

The article is devoted to the theory of mediatization of local newsworthy events with value-political content in a digital society and an empirical study of the processes of mediatization-demediatization in relation to a particular case, namely the reaction of social network users to the publication of the Manifesto "The Abduction of Europa 2.0." by Russian theatre and film director Konstantin Bogomolov (February 10, 2021). The authors show the transformation of the processes of political agenda setting on social networks in the conditions of the expansion of influencers and traffic monopolists of various scales. They discuss the category of mediatization, highlight the levels of mediatization, and show the possibility of implementing mediatization processes at the micro level. The concept of a cultural and aesthetic incident as a reason for mediatization is introduced, the factors influencing the mediatization potential of such an incident are specified. The concept of demediatization is introduced and its characteristics at the macro and micro levels are described. Empirical verification of hypotheses about ontology and tools of local demediatization is carried out on the example of network discussions around K. Bogomolov's Manifesto "The Abduction of Europa 2.0." The study shows how the network community transferred the incident discussed to the trajectory of demediatization, blurring the value narrative and bringing down the discussion to the mundane level. The empirical basis was the original text of the Manifesto, published on the website of Novaya Gazeta and distributed on social networks Instagram/Facebook[1]/Twitter[2] (blocked in Russia by court order). YouTube social network users' comments were analyzed for the period from 10.02.2021 to 10.03.2021. The processing of the material collected by the hashtags #Bogomolov #Manifest with the help of the continuous sampling method was carried out by lexico-semantic analysis of the identified value narratives in posts and comments and a comparative analysis of the semantics of the identified narratives.

Key words: *manifesto, political agenda, influencers, culture, mediatization, demediatization, social networks.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2022.6086

Введение

Формирование информационно-сетевого общества создает возможности для локальных и масштабных политических противостояний. Это обусловлено трансформацией политической коммуникации в сетевом пространстве по сравнению с доминирующим влиянием традиционных медиа на политическую повестку, политические ценности и политическое поведение. «На сегодняшний день интернет выступает в качестве самостоятельного и обладающего собственной спецификой политического коммуникационного пространства, в котором активно осуществляются проекты в сфере политического управления» (Володенков, 2014: 74, 2). Политические коммуникации в сетевом пространстве обладают спецификой, которая дает основания говорить о цифровой среде как о пространстве, обладающем особой качественной определенностью политических коммуникаций (Казаков, 2007; Лекторова, 2011; Несмашный, 2017).

Обозначим особенности политической коммуникации в сетевой среде.

Во-первых, отметим особую онтологию политической реальности, формируемой в цифровом пространстве. Согласно теореме Томаса, «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» (1928: 571–572), политической реальностью для субъекта является совокупность его представлений о влиянии текущего состояния политической системы и политического процесса на жизненно важные параметры его функционирования. Для социального субъекта именно эта реальность детерминирует его политическое сознание и поведение. Если в классическом массовом обществе политическая реальность формировалась политическими элитами, обладавшими монополией на формирование политической повестки дня посредством традиционных медиа, то сегодня властная вертикаль сменилась суперпозицией локализованных властных вертикалей и горизонталей виртуальных сообществ. Монополия элит на формирование единой политической повестки дня и вертикально интегрированное единство политической повестки утрачивается. Политическая реальность распадается на устойчивые парциальные модели реальностей, дискурсивно реконструируемые в сетевых сообществах, которые онтологически функционируют в пределах сетевых пузырей (*bubbles*) (Song, Boomgaarden, 2020; Seong, Wohn, 2020; Strauß,

Alonso-Muñoz, Gil de Zúñiga, 2020; Kobellarz, Brocic, Graeml, Silver, Silva, 2021; Min, Wohn, 2020).

Во-вторых, в цифровой среде играют важную роль новые субъекты политического действия – сетевые сообщества и трафик-монополисты, «сетевые властители дум», которые внутри сообществ вступают в иерархические отношения, определяющиеся не социальным статусом, а качеством и количеством сетевых активностей.

В-третьих, в политическом управлении традиционные элиты и государственные институты замещают сетевые лидеры мнений, блогеры, трафик-монополисты, политический капитал которых образуется путем конверсии коммуникативного капитала (Gavra, Decalov, 2018; Роменков, 2008).

В-четвертых, политическое звучание приобретают исходно неполитические информационные поводы, в основании которых находится ценностный конфликт с потенциалом транспонирования в конфликт политических ценностей, а далее в собственно политический конфликт. Учитывая, что в основании терминальных ценностей в понимании Клакхона (Hills, 2002) и Рокича (Rokeach, 1973) лежат экзистенциальные дихотомии добра–зла, справедливости–несправедливости, личного–общественного, любой информационный повод или инцидент, имеющий потенциал ценностного противостояния, обладает потенциалом политизации, включая те, которые возникают в культурно-эстетической сфере и затем транспонируются в сферу политики.

Теоретическая рамка исследования

Транспонирование локального неполитического информационного повода в политическую сферу и превращение его в значимый элемент политической повестки дня мы связываем с категорией медиатизации. На метауровне медиатизация понимается как «двусторонний процесс, в рамках которого медиа и различные сферы общественной и культурной жизни оказывают определяющее и формирующее взаимное влияние друг на друга» (Гуреева, 2016: 200). В рамках этой логики С. Хьявард определяет медиатизацию как процесс, в котором медиа становятся частью других социальных институтов и изменяют нормы и способы их деятельности (Hjarvard, 2008; 2012).

Но этим расширительным, институциональным пониманием медиатизации на макроуровне, по нашему мнению, не исчерпыва-

ются объяснительные возможности категории. Если рассматривать объекты медиатизации, то в онтологическом измерении можно выделить три типа таких объектов.

Во-первых, это социальные отношения в определенный исторический период, в пределе – социальная жизнь в целом. Это и есть макромедиатизация, или медиатизация социальной жизни, о которой пишут Гуреева (2016), Хьярвард (Hjarvard, 2008) и др.). В этом случае предметом медиатизации является прорастание медиалогики в логику различных сфер социальной жизни и ее (медиалогики) интериоризация в рамках общей логики социальных отношений. Под медиалогикой вслед за Эльтхайде и Сноу мы будем понимать особую, заданную господствующей системой медиакоммуникаций призму восприятия, посредством которой интерпретируются все социальные процессы современности (Altheide, Snow, 1979).

Во-вторых, объектом медиатизации могут стать любые практики социальных субъектов – от широких социальных общностей до малых групп и отдельных индивидов (об этом пишет, например, Раух (Rauch, 2014). Данные процессы обозначим как субъектную мезо-, микро- и наномедиатизацию. Здесь предмет медиатизации – внедрение медиалогики в профессиональные и обыденные практики социальных субъектов разного типа.

В-третьих, медиатизация как социально-коммуникативный процесс может реализоваться на мезо- или микроуровне, применительно к конкретному событию, информационному поводу, локальному инциденту. Это событие становится объектом медиатизации, которую мы назовем событийной или *event*-медиатизацией. В качестве предмета *event*-медиатизации выступает замена медиалогикой естественной логики социальной динамики события.

Подчеркнем, что суть предмета медиации как социально-коммуникативного процесса во всех трех типах объектов медиатизации составляет внедрение медиалогики в исходную логику социальной динамики.

Авторское эмпирическое исследование посвящено анализу именно *event*-медиации конкретного события. Под медиатизацией локального события/инцидента мы понимаем разворачивающийся в русле медиалогики процесс расширения социального ареала информированности и усложнения дискурса события с одновременным расширением и усложнением вовлеченных в этот дискурс аудиторий. В результате медиатизации незначительное событие,

локальный инцидент может приобрести широкое общественное звучание и, возможно, иметь социальные и политические последствия. Примерами массовой медиатизированной мобилизации стал протест после ареста журналиста Ивана Голунова 6 июня 2019 г.[3], локальные протестные акции шведской школьницы Греты Тунберг, вылившиеся в результате медиатизации в перезагрузку глобального экологического движения (Быкова, 2020). Под политической медиатизацией инцидента подразумевается процесс *event*-медиатизации неполитического по содержанию события с одновременным приданием ему посредством медиакоммуникации политического смысла и превращением в значимый элемент повестки дня, то есть его политизацию. В современной политической науке политизация с точки зрения системной модели понимается как процесс, посредством которого вопросы или явления входят в сферу «политического», в пространство споров и конфликтов (Wiesner (ed.), 2021; Bobba, Hubé (eds.), 2021). Таким образом, политическая медиатизация события/инцидента может рассматриваться как инструмент или механизм его политизации. В современном цифровом медиатизированном социуме именно политическая медиатизация выступает в качестве основного, хотя и не единственного инструмента политизации события. В закрытых сообществах могут работать и другие инструменты.

Содержательной оппозицией процессу медиатизации можно считать процесс демедиатизации. Категория демедиатизации не является новой для современной теории медиакоммуникации. Мы можем выделить три базовых традиции в интерпретации этой категории, которые, с нашей точки зрения, можно увязать с предложенной выше типологией подходов к пониманию медиатизации, опирающейся на объектный отнологический критерий.

Первая традиция реализуется на макроуровне и опирается на концепцию демедиатизации современного немецкого философа Byung-Chul Han (Suetzl, 2017). Рассматривая цифровую трансформацию коммуникаций, Хан с пессимизмом отмечает, что этот процесс фактически исключает профессиональные медиа и журналистику из числа значимых акторов формирования публичной повестки дня. Эта повестка теперь формируется аддитивными практиками пользователей социальных сетей и детерминируется трафик-монополистами. Классические массмедиа как акторы коммуникационного пространства, обеспечивающие информационное посредничество, качество и уровень публичного дискурса,

теряют свою роль. Именно эту происходящую в цифровом обществе утрату массмедиа своей определяющей публичный дискурс роли Хан и его последователи называют демедиатизацией (Suetzl, 2017).

Вторая традиция связывает категорию демедиатизации с социальными практиками индивидуальных и групповых акторов по выходу из тотально медитизированной цифровой информационной среды. Демедиатизация здесь – это вывод медиалогики и цифрового медиапотребления за пределы индивидуальных социальных практик. Не случайно для обозначения выхода из цифровой медиасреды используются метафоры «цифровой детокс», «цифровая Суббота» или «цифровая абстиненция» (Kopecka-Piech, 2020; Rauch, 2014; Johnson, 2012).

Третья интерпретация категории демедиатизации, операционализации которой посвящен эмпирический раздел нашего исследования, опирается на понятие *event*-демедиатизации. *Event*-демедиатизацию мы определяем как процесс снижения уровня медиатизации некоторого события/информационного повода, имеющего высокий медиатизационный потенциал. *Event*-демедиатизация может иметь как спонтанный, как и целенаправленный характер. В результате целенаправленной демедиатизации событие, значимое для значительных аудиторий, общественных групп, способное породить масштабную общественную реакцию, в том числе поведенческую, сознательно уводится на периферию публичного внимания. В арсенал целенаправленной демедиатизации может входить замалчивание, дискредитация источников, перевод общественного внимания на другие информационные поводы и т. п.

В настоящей статье в рамках третьего классификационного подхода рассматривается динамика медиатизации–демедиатизации события в сфере культуры, одновременно попадающего в периферийный ареал сферы политики. Обозначим те факторы, которые, с нашей точки зрения, непосредственно влияют на медиатизационный потенциал того или иного события в культурно-эстетической сфере.

Фактор 1 – это культурный и паблицитный капитал вовлеченных в событие акторов. Чем выше этот капитал, чем более известными и авторитетными являются причастные к событию деятели культуры, тем выше потенциал его медиатизации. Когда в событие или инцидент вовлечены деятели первой величины, медиатизация

происходит лавинообразно (харассмент-скандалы с Пласидо Доминго, Кевином Спейси, отмена спектакля «Чудесный грузин» во МХТ с Ольгой Бузовой в ноябре 2021 г.)[4].

Фактор 2 – это связь информационного повода с событиями в культурно-эстетической сфере, находящимися в фокусе общественного внимания и публичных дискуссий. Чем более «раскрученной», скандальной и привлекающей внимание является какая-либо тема: эстетическая дискуссия, новая выставка или театральная постановка, решение о присуждении или не присуждении престижной премии и т. п., тем больший медиатизационный потенциал будет у связанного с ним события (снятие в 2015 г. оперы Вагнера «Тангейзер» в Новосибирском театре оперы и балета, скандалы вокруг выставки Яна Фабра в Эрмитаже в 2016 г., осуждение продюсера Харви Вайнштейна, впоследствии ставшего глобальным символом сексуального насилия)[5].

Фактор 3 – это связь события/инцидента в культурно-эстетической сфере с актуальными событиями социальной или политической повестки, прямо затрагивающими значимые общественные группы «здесь и сейчас». В 2020–2021 г. одной из наиболее острых тем была тема пандемии, вакцинации, *QR*-кодов и т. п. И очевидно, обращение театра, кинематографа, литературы или конкретного деятеля культуры к этой горячей проблематике существенно увеличивает медиатизационный потенциал данного события.

Методика

Эмпирическими объектами исследования стали: оригинальный текст Манифеста Константина Богомолова «Похищение Европы 2.0.», опубликованный в «Новой газете»[6], текст ответного письма на Манифест режиссера Ивана Вырыпаева в том же медиа[7], опубликованный день спустя, комментарии представителей культурной российской элиты в социальных сетях русскоязычного сегмента *Instagram*, *Facebook*, *Twitter, YouTube* за период с 10.02 по 10.03.2021. Обработка собранного речевого материала проводилась методом лексико-семантического анализа ценностных нарративов. Принципы отбора материала – хронологические рамки (первый месяц после публикации текста Манифеста), степень популярности канала (количество подписчиков на канале или в аккаунте), топ-10 при наборе в поисковой строке словосочетания «Манифест Богомолова» или публикации с аналогичным тегом.

Текст Богомолова мы можем рассматривать как эстетический манифест, со всеми характеристиками, присущими этому жанру. Содержание Манифеста, статус автора, время и место публикации превращали документ в значимый элемент повестки дня как для ограниченной социальной группы поклонников режиссера Богомолова, так и для более широких общественных групп. Приведем аргументы в пользу того, что публикацию Манифеста с высокой степенью вероятности можно считать событием, обладающим потенциалом политической медиатизации.

Критерий 1. Автор Манифеста – известная публичная персона, харизматический персонаж культурной жизни одной из мировых столиц, автор популярных культурных продуктов с очевидным политическим подтекстом. К тому же он – муж Ксении Собчак, медийной персоны, обладающей большим собственным социальным и паблицитным капиталом.

Критерий 2. Тема, обсуждаемая в этом своеобразном манифесте, имеет актуальную культурно-эстетическую подоплеку. Новая этика, *BLM, Me Too*, культура отмены, изменение критериев отбора на престижные премии и т. п. – все это на момент публикации находилось в центре обсуждения театральной, кинематографической и околотеатральной общественности.

Критерий 3. Обсуждаемые в Манифесте темы находились в центре глобальных политических дискуссий 2019–2021 гг. Права меньшинств, миграция, религия, свобода выбора, консервативные и либеральные ценности на момент публикации Манифеста имели политическую актуальность, широко обсуждались и являлись основанием для электоральных и политических противостояний. Об этом свидетельствует в том числе и обращение к теме консерватизма и консервативных ценностей Президента РФ В. В. Путина в ходе заседания Валдайского клуба осенью 2021 г.[8] Не утратили эти темы своей политической актуальности и в период ковидной турбулентности.

Таким образом, можно считать, что Манифест Константина Богомолова обладал значимым потенциалом политической медиатизации.

Разумеется, с высоты опыта, переживаемого российским социумом в 2022 г., публикация подобно документа может показаться малозначительным событием с небольшим потенциалом политизации, однако применительно к условиям начала 2021 г. у рассмат-

риваемого события такой потенциал был, как показала первая реакция сетевого сообщества на Манифест.

Методы. Анализ текста Манифеста, ответного письма, постов и комментариев проводился с помощью лингвистических методов семантического анализа лексических единиц, формирующих базовые нарративы обоих посланий, контент-анализа комментариев в социальных сетях для выявления эксплицированных и имплицированных интенций вовлеченных пользователей. Материал собирался методом сплошной выборки вручную по хештегам #Богомолов, #Манифест и классифицировался по тем критериям, по которым сетевое сообщество субъективно оценивало текст Манифеста: соответствие жанру манифеста, логическая структура, интерпретация существующего положения дел, статус субъекта речи.

Мы полагаем, что если медиатизация инцидента поднимает общественную дискуссию на пик и создает потенциал мобилизации и влияния на властные решения, то у *event*-демедиатизации функционал противоположный – вывести событие на периферию общественного внимания, не дать реализоваться потенциалу мобилизации.

Исследование

Текст Богомолова обладает жанровыми признаками манифеста. Манифест (*manifestum* – «призыв») – это торжественное письменное обращение верховной власти к народу; письменное обращение, воззвание, изложение каких-либо положений программного характера» (Ожегов, Шведова, 1999). Программный характер текста манифеста подразумевает стратегическую коммуникацию субъекта с обществом в целом и с важнейшими общественными группами в частности и содержит краткое описание существующего положения дел и ряд тактических задач для достижения некоего нового статус-кво. Манифест – это жанр политической коммуникации между политическими акторами и обществом в утвердительной, категоричной, директивной модальности. Субъектом манифеста могут быть только акторы, обладающие значимым статусом в соответствующем поле политики, религии, экономики, культуры. В этом аспекте текст К. Богомолова «Похищение Европы 2.0.» относится к литературному манифесту – жанру лите-

ратурной декларации, с формой изложения эстетической программы школы, течения или направления (Бродский, Сидоров 2001). Достигнутый в российском культурно-эстетическом поле статус дает автору документа основание вступать в коммуникацию с аудиторией именно в этом жанре. Традиционно в подобных манифестах яркие представители литературных или художественных направлений выражали новое миропонимание, отраженное в новом эстетическом мировоззрении и методе, провозглашали основные принципы творчества, цеховые хартии и морально-этические декреты, давали клятвы верности, мобилизуя сподвижников и широкую публику. «Наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа. Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных миросозерцаний» (Мережковский, 2001: 34).

Манифест К. Богомолова «Похищение Европы 2.0» является посланием, содержащим ценностные ориентиры, этические и эстетические принципы критики цифровой эпохи, отсюда и дополнение «2.0.» к названию греческого мифа о похищении Европы – колыбели христианской цивилизации и оплота европейской культуры.

Манифест К. Богомолова имел высокие шансы запустить волну широкой медиатизации, т. е. получить коммуникативный статус значимого события, функционирующего в национальной повестке, опосредованного онлайн- и офлайн-коммуникацией с целью расширения круга информирования, увеличения масштабов и усложнения структуры аудитории, вовлеченной в культурный дискурс с последующим выходом в смежные дискурсы, в том числе политический (Гавра, Быкова, 2021). Однако этот механизм широкой медиатизации не запустился, хотя первичная волна медиатизации в пределах культурного сообщества была запущена. Поляризация оценки ценностных нарративов Манифеста была усилена ответным письмом близкого К. Богомолову по коммуникативному статусу и социально-культурному весу режиссера Ивана Вырыпаева. Сформулированная ценностная оппозиция побуждала «мастеров культуры» к однозначному ответу: вы «за» или «против». Такая постановка увеличивает трафик (Козырев, 2016), вовлекает новых пользователей в воронку медиатизации. Однако широкой медиатизации не случилось, потенциальная медиатиза-

ционная спираль была переведена на траекторию демедиатизации, что можно рассматривать как суперпозицию демедиатизирующих коммуникативных практик отдельных сетевых акторов, которые в сумме породили соответствующую коммуникативную динамику инцидента.

Анализ материала

Анализ Манифеста К. Богомолова и ответного письма И. Вырыпаева, интертекстуальный сопоставительный анализ позволили выявить опорные концепты, которые представляют собой единицы смысла обоих текстов: «Европа», «познание», «человек», «общество», «идеология». Концепты репрезентированы в текстах обоих режиссеров и процитированы в сравнительной таблице. Опорные концепты сопоставлены на основании анализа формальной и неформальной семантики слов и словосочетаний с учетом коннотативного ореола значения и культурной значимости, что актуализирует дискуссию, которая задана контекстуальной антонимией в названиях обоих текстов «Похищение Европы 2.0.» и «Возвращение похищенного Запада». Дискуссия «за» и «против» проявляется в комментариях в социальных сетях при восприятии пользователями опорных концептов обоих посланий: Европа – это новый паноптикум или новый виток цивилизации; Познание истины – это религия или наука; Человек – это индивид или планета; Общество – это самоорганизующаяся сетевая толпа или новый эволюционный плюралистический либеральный уровень; Идеология – это новая правая идеология или разворот в сторону служения Власти. Нейтральное отношение к обоим посланиям при качественном анализе не учитывалось, поскольку представляет собой молчаливое большинство, которое может быть выражено количественно в лайках к публикации или просмотре публикации без оставления цифрового следа, что проанализировать не представляется возможным.

Сравнительная таблица ценностных нарративов

Номинация концепта	Нарративы из Манифеста «Похищение Европы 2.0.» К. Богомолова	Нарративы из письма «Возвращение похищенного Запада» И. Вырыпаева
Европа	Кризис Европы; Европа — преступник, прошедший химическую кастрацию и лоботомию; Европа — покинутый и оставленный на разграбление вишневый сад; европейский паноптикум; Новое Министерство Правды; Швондеры от BLM; оголодавшие Флойды; босховский ад; Новый этический рейх; Новый нетрадиционный тоталитаризм; моральный террор; нерелевантность половой принадлежности; глобализация; экспансия и унификация обществ; отсутствие альтернативы; этическая чистота; этический социализм; фем-активизм; эко-психопатизм; Квир-социализм; ограничение свободы эмоции отдельного человека; концепция Нового этического рейха, нового Бога — Прогрессивного Общества	Европа – это интегральная модель человеческой цивилизации, новый виток эволюции; Европа очищается от ксенофобии, от бессовестного капитализма, от бешеного коммунизма, сексизма; вера в эволюцию человека, идею развития; Развитие — вот главная идея Просвещения, сознание развивается от низшего к высшему по эволюционной спирали; показателем его развития являются жизненные ценности, которые в разные периоды своего развития разделяет человек.
Познание	Религия, Бог, Христианство, философия, искусство	Наука, развитие технологий, рациональный подход, технический прогресс
Человек	Кастрация сложного человека; сложный человек, которого описывал Достоевский: одновременно высокого и низкого, ангела и дьявола, любящего и ненавидящего, верующего и сомневающегося, рефлексирующего и фанатичного	Человек — это уже не Раскольников и даже не Мышкин; человек — это Великая Жизнь; Жизненный поток, равный среди равного; Человек — это житель планеты и житель космоса; Человек — это планета.
Общество	Самоорганизующаяся сетевая толпа	Новый эволюционный уровень — плюралистический и либеральный
Идеология	Пора ясно и внятно сформулировать новую правую идеологию: заново строить нашу старую добрую Европу, Европу, о которой мы мечтали, Европу, которую они потеряли, Европу здорового человека.	Резкий политический разворот в сторону служения Власти

Экзистенциальная и эпистемологическая противоположность позиций двух режиссеров ожидаемо должны были образовать в социальных сетях соответствующие коммуникационные пузыри и способствовать процессу медиатизации.

Манифест на фоне карантинной изоляции и скудной событийности запустил в публичное сетевое пространство сообщества дискуссию вокруг противостояния консервативно-охранительной позиции и новолиберального мировоззрения. Первичный цикл спирали медиатизации инцидента в локальных сетевых ареалах состоялся. И об этом говорят цифры, которые приводятся в количественном анализе эмпирического материала (см. ниже). Однако ни большой медиатизации, ни перехода в большую федеральную медиаповестку не произошло даже в пределах социальных ареалов культурного и околокультурного сообществ.

Перечислим факторы, которые, с нашей точки зрения, обусловили данную траекторию: информационно-психологическое давление пандемийной информации и сопряженных с ней страхов, постоянная смена политической и эстетической повестки, естественная динамика затухания информационного повода. Однако кроме общих факторов существенный вклад в процесс демедиатизации внесли риторические практики представителей вовлеченных сетевых сообществ. Риторическая интенция была направлена в сторону снижения уровня дискуссии, на перевод с экзистенциального на обыденный уровень, на демобилизацию сетевых акторов, настроенных на разогрев дискуссии по существу. Ценностные нарративы, включенные в текст Манифеста Богомолова, построенные на осмыслении реальной действительности в биполярном аспекте: жизнь–смерть, мужчина–женщина, верх–низ, истина–ложь, добро–зло, война–мир ангелы–демоны и т. п., на большинстве цифровых платформ оказались последовательно переведены на обиходно-бытовые сетевые оценки личности режиссера. Начало этому размыванию было положено в ответном письме, где актуализировано интимно-личностное обращение к режиссеру в публичном поле, что, несомненно, снижает коммуникативный статус дискуссии уже в самом начале: «...те страхи и ужасы, которые Костя вместе с российскими пропагандистами власти Соловьевым, Симоньян и иже с ними (господи, ну кто бы мог подумать, что Константин Богомолов только лишь ради любви к своему творчеству и желанию комфорта примкнет к этому лагерю?!) пытается подавать нам как кризис Европы»[9].

Перейдем к анализу комментариев и постов в социальных сетях.

Количественный критерий

YouTube Проанализированы 6 видеороликов: *Esquire Russia* (82,6 тыс. подписчиков), «Эхо Москвы»[10] (850 тыс. подписчиков), «Первый канал» (6,27 млн подписчиков), *RTVI* Новости (648 тыс. подписчиков), «Ксения Собчак» (92 млн подписчиков).

Facebook Пост Константина Богомолова от 10 февраля 2021 г. содержит краткое содержание Манифеста со ссылкой на полный текст и 1 003 комментария пользователей («за»: комментариев 205, репостов 14, всего реакций 637; «против»: комментариев 972, репостов 304, всего реакций 4 118).

Twitter (источник: РБК. 13.02.2021): 27 ретвитов, 126 лайков, 17 комментариев; «Новая газета» (10.02 2021): 191 ретвит, 240 лайков, 180 комментариев; Алексей Венедиктов (10.02. 2021): 6 ретвитов, 16 лайков, 22 комментария; *Mikhail Svetov* (13.02. 2021): 18 ретвитов, 257 лайков, 16 комментариев. *URA.RU* (10.02.2021) https://ura.news/news/1052471227. Данные публикации и комментарии выдает сам *Twitter* по запросу «Манифест Богомолова» в категориях «последнее» или «популярное».

Instagram Реакция пользователей на пост К. Богомолова в своем аккаунте: 46 676 отметок «нравится», 4 899 комментариев. Отметок «не нравится» не существует.

Как мы видим, в контексте потенциала медиатизации первичная количественная реакция на публикацию Манифеста была более чем обещающая.

Качественный критерий

Перейдем к анализу речевых тактик пользователей социальных сетей и выявим общую риторическую интенцию на основе категории оценки. Оценочность проявляется в речи путем «отбора и классификации фактов и явлений действительности, их описания под определенным углом зрения, в специфических лингвистических средствах» (Миронова, 1997: 59), комментарий становится «целенаправленным социальным действием» (Клушина, 2000: 94), «средства субъективной модальности способны перекрывать объективно-модальные характеристики, образуя в модальной иерархии высказыванию квалификацию «последней инстанции» (Ляпон, 1990: 303). В силу обозначенного свойства утвердительная модальность придает комментарию декларативный характер (Данилов, 2009). Декларативность, обладая свойством биполярности,

увеличивает трафик публикуемого контента, поскольку обладает мобилизационным потенциалом, собирая по принципу «за» и «против» активных и пассивных сторонников по отношению к публикуемым ценностным нарративам (Козырев 2016), вовлекая их в воронку медиатизации.

В основе медиатизации лежит категория оценочного суждения – одного из основных в современной медиасреде. Мобилизация конструирует коммуникацию в социальных сетях с помощью следующих приемов: 1) препарирование текста, 2) комментирование его отдельных положений, 3) вырывание из контекста отдельных фрагментов, 4) дальнейшее распространение контента с соответствующими подводками и комментированием (Ильчева, 2013). Следование данным приемам, несмотря на качество распространяемого контента, увеличивает жизненный цикл события на новостной ленте (Киняшева, 2018).

Проанализируем комментарии «за» (в поддержку ценностных нарративов К. Богомолова) и «против» (отрицание ценностных нарративов К. Богомолова) и сравним их интенции.

Результаты анализа

You Tube. Первая группа комментаторов – сочувствующие, которые хвалят К. Богомолова за смелость публично выразить точку зрения, заведомо не популярную в среде искусства и культуры: «приятно удивил», «Богомолов молодец», «смелое заявление», «дискуссия интеллектуалов», «яркий Манифест», «почти полностью с ним согласен», «среди либералов есть очень умные люди :-)» («Первый канал»).

Вторая группа комментаторов, и она подавляющая, использует названные нами речевые приемы принижения коммуникативного статуса К. Богомолова с помощью обиходно-бытовой лексики с использованием уловки, которая называется «чтением в сердцах», то есть выявлением «истинной подоплеки» случившегося: «не лишайте денежек» (*Esquire Russia*); «не манифест а транспарант»: «дайте денег»; «дурацкие рассуждения», «так называемый режиссер», «так называемые журналисты» (Эхо Москвы).

Facebook. Поддержавшие ценностные нарративы Манифеста выражали свою оценку на уровне аксиологической шкалы: «мыслитель», «левые идеологии», «блестящий текст», «меньшинства становятся большинством», «равенства не существует», «очень

верное наблюдение», «русские разночинцы», «правая адекватность», «русская классическая литература», «традиция», «жизнь побеждает смерть» и т. п.

В отличие от поддерживающего дискурса, сохранившего обсуждение ценностных нарративов, осуждающий дискурс в соответствии с очевидной логикой демедиатизации переводил обсуждение на обыденные, бытовые регистры, далекие от экзистенциальных посылов автора Манифеста. Большинство статусных оппонентов Богомолова явно избегают «большой дискуссии по существу» в силу следующих обстоятельств. Во-первых, для серьезной дискуссии нужны веские аргументы, которые должны подтверждаться текущей политической практикой в Европе начала 2021 г., тогда разделенной по вопросам о мигрантах, прививках, эко-повестке и т. п. Во-вторых, вступая в дискуссию по существу, оппоненты Богомолова попадают в зону риска прямого противостояния тем ценностям, которые разделяют политические игроки большего масштаба и влиятельности. В-третьих, выход на высокий градус дискуссии гарантирует высокую медиатизацию инцидента, разогрев общественного мнения, поляризацию, приход в полемическое поле новых статусных игроков, вовлечение сетевых сообществ. Перечисленные обстоятельства в российской ситуации начала 2021 г. не гарантировали идеологической победы, но провоцировали риски для бюджетного финансирования культурных проектов. В такой ситуации перевод дискуссии о ценностях на обиходно-бытовой уровень и уровень семейных отношений и чтения «в сердцах», реализованный оппонентами Богомолова, менее рискован и при этом позволяет «сохранить лицо»: «Жена-ж дороже», «истинные мотивы», «еще один борец с либерализмом», «послушай, Костик, читать практически невозможно ☺», «это все, что вам надо знать о подобных манифестах», «прилетела ответочка».

Twitter. В силу политизированности площадки и характеристик тематического «пузыря» комментаторов содержательный трек обсуждения Манифеста направлен на оппонирование Богомолову и мобилизацию несогласных с ним. Трек на снижение уровня дискуссии прослеживается в использовании речевых приемов сомнения в компетентности автора, обвинения в создании хайпа, иронизирования над консервативными взглядами, в высмеивании выбора жанра Манифеста сниженной и обсценной лексикой: «прям манифест, чувак», «тупо хайпует», «шумиха, ахинея», «идиотские взгляды», «скандал», «муж Собчак», «московская либераль-

ная тусовочка», «глупый режиссер Богомолов». Снижение уровня дискуссии усугубляется фамильярным обращением: «Костик», «Костька», «Ксюша». Приведенные речевые обороты провоцируют автора Манифеста на ответную коммуникацию в этом же сниженном регистре. И если бы такое случилось, спираль демедиатизации спустилась бы еще на один уровень. Культурно-идеологический инцидент с потенциалом политической медиатизации таким образом мог быть рефреймирован в обыденную склоку пресыщенных баловней судьбы из столичного художественного бомонда.

Instagram. Поиск осуществлялся по хештегам #манифестбогомолова, #манифестноваяэтика, а также по отметкам профиля Константина Богомолова *@konbog75*. Выявленные на публикацию Манифеста отклики продемонстрировали тот же тренд, что обозначился в других социальных сетях: «бред», «красивая ширма», «проплаченный текст», «графоманская муть», «претенциозное г...», «звенящая пошлость», «великовозрастный пионер», «отсталый стиль эссеистики девяностых», «громкие мемовые фразы», «оценочные суждения», «подмена понятий», «вычурность оболочек пустых мыслей», «фейерверк банальностей», «бракованная китайская петарда», «литературный Черкизон».

Коллективный ответ представителей культурного сообщества стал апофеозом дискуссии. Более 500 человек подписались под открытым письмом Константину Богомолову, которое состоит всего из двух слов «Ок, бумер»[11]. «Это ответ на манифест режиссера», сообщил редактор «Новой газеты» Кирилл Мартынов. Этим выражением молодое поколение отвечает на ценностные вызовы старшего поколения, что имплицитно содержит смысл: нам с вами не о чем дискутировать. Коммуникативная стратегия, как видим, все та же. При этом, отметим, выбран жанр коллективного письма, не единожды осужденный в рамках культурного сообщества еще с советских времен.

Заключение

Прежде всего, мы полагаем, что сама категория медиатизации, работающая на метауровне как теоретический конструкт, объясняющий макросоциальный процесс абсорбции медиалогики реальными логиками большинства сфер общественной жизни, может быть применена на более низких уровнях социальной иерархии.

Мы рассматриваем три содержательных трека использования категории медиатизации в современных коммуникационных исследованиях. Каждый трек на основании критериев объекта и уровня анализа предполагает свою интерпретацию медиатизационных процессов. В статье мы обращаемся к мезо- и микроуровням и рассматриваем событийную или *event*-медиатизацию. *Event*-медиатизация авторами понимается как процесс расширения социального ареала информированности о событии, инциденте, расширение и усложнение его дискурса с выходом на топовые позиции повестки дня. В статье выделены факторы, которые определяют объем медиатизационного потенциала события в культурно-эстетической сфере: культурный и паблицитный капитал вовлеченных в событие акторов, корреляция со знаковыми культурно-эстетическими событиями, связь с актуальной политической повесткой.

В рамках анализа объяснительного потенциала концепта демедиатизации в поле научного анализа медиатизационных процессов введено понятие событийной демедиатизации как содержательной оппозиции процессу *event*-медиатизации. В широком смысле демедиатизация – это процесс ограничения или исключения внешней медиалогики из контура логики политики, экономики, культуры, которое вполне возможно в условиях цифрового общества.

Для демедиатизации на мезоуровне и событийном уровне могут быть использованы законодательные, административные, программные или технологические инструменты, возможно применение элементов прямых рестрикций и насилия. Демедиатизацией локального инцидента может считаться процесс снижения уровня его медиатизации, в результате чего значимое событие уводится на периферию публичного внимания, уходит из актуальной повестки дня.

Кейс Манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0.» рассматривается авторами как культурно-эстетический манифест с политическим ценностным бэкграундом. В процессе анализа была подтверждена гипотеза, что событие с достаточно высоким потенциалом медиатизации было переведено на траекторию демедиатизации в социальных сетях: выступление известного лидера мнений не превратилось в Событие, не получило резонанса вследствие коммуникационных сетевых практик локальных игроков и сообщества, которое их объединяет. Важно отметить, что авторы не приписывают критикам и комментаторам Богомолова сознатель-

ный выбор демедиатизационных стратегий. Они выбрали форму оппонирования тому ценностному посылу, который содержал Манифест, что укладывается в логику демедиатизации.

Большинство негативных комментариев перевели общественную дискуссию о ценностях на обиходно-бытовой уровень, размыли содержание Манифеста, сузив поле обсуждения до обсуждения личной жизни, финансового благополучия и интеллектуальных способностей режиссера К. Богомолова и запустили процесс демедиатизации. Риторическая линия показывает, что снизить дискуссию до бытового уровня можно, если развивать ее не от тезиса, а от довода с применением уловок, принятых в традиционной школе злословия с элементами троллинга: оскорбления и переход на личность, скорость появления негативных откликов, отсылка к «высшим интересам», дискредитация ценностного нарратива обсценной лексикой, недосказанность с намеком на «особые мотивы», принижение иронией, мнимое непонимание, навешивание ярлыков, сведение аргумента к субъективному мнению, селекция приведенных аргументов. Анализ показал, что примененные речевые практики продемонстрировали эффективность для целевых аудиторий данного инцидента.

Примечания

[1] Деятельность корпорации *Meta* и ее платформ *Instagram* и *Facebook* запрещена в России и признана экстремистской.

[2] Заблокирован в России по решению суда.

[3] Преследование Ивана Голунова // РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/story/5cfbf5a29a794749a3b2f670 (дата обращения: 31.11.2021).

[4] *Романова Н, Ларина Я.* «Прикасался и целовал»: Пласидо Доминго обвинили в сексуальных домогательствах // *RT*. 2019. Авг., 13. Режим доступа: https://russian.rt.com/nopolitics/article/658471-plasido-domingo-domogatelstva (дата обращения 30.11.2021); *Анисимова Н.* МХАТ отменил спектакль с Бузовой из-за плохих продаж билетов // РБК. 2021. Окт., 31. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/31/10/2021/617e51219a794702b77553a3 (дата обращения: 30.11.2021); *Иванова Е.* Скандал с Кевином Спейси довел до штрафа. Почему суд встал на сторону создателей «Карточного домика» // Коммерсант. 2021. Ноябрь, 23. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5089188 (дата обращения: 21.11.2021).

[5] *Новичков М.* Опера «Тангейзер»: в чем суть скандала? «Тангейзер», Вагнер // FB.ru. 2016. Март, 18. Режим доступа: https://fb.ru/article/236546/opera-tangeyzer-v-chem-sut-skandala-tangeyzer-vagner (дата обращения: 31.11.2021); *Богданова Н.* Шоу для живодеров? Почему общественность против выставки Фабра в Эрмитаже // Аргументы и факты. 2016. Ноябрь, 14. Режим доступа: https://spb.aif.ru/culture/event/shou_dlya_zhivoderov_obshchestvennost_protiv_vystavki_yana_fabra_v_ermitazhe (дата обраще-

ния: 31.11.2021); *Черных Е.* История Харви Вайнштейна: как главный секс-маньяк Голливуда получил 23 года тюрьмы // Комсомольская правда. 2020. Март, 4. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27104.7/4177999/ (дата обращения: 30.11.2021).

[6] *Богомолов К.* Похищение Европы 2.0. Манифест режиссера // Новая газета. 2021. № 14. Февр., 10. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0 (дата обращения: 27.11.2021).

[7] Вырыпаев И. Возвращение «похищенного» Запада в ответ на статью Константина Богомолова «Похищение Европы 2.0» // Новая газета. 2021. № 15. Февр., 11. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/11/89158-vozvraschenie-pohischennogo-zapada (дата обращения: 27.11.2021).

[8] Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения: 27.11.2021).

[9] Вырыпаев И. Возвращение «похищенного» Запада в ответ на статью Константина Богомолова «Похищение Европы 2.0» // Новая газета. 2021. № 15. Февр., 11. Режим доступа https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/11/89158-vozvraschenie-pohischennogo-zapada (дата обращения: 27.11.2021).

[10] Иноагент

[11] На манифест Богомолова об «этическом рейхе» в Европе ответили открытым письмом из двух слов // News.ru. 2021. Февр., 13. Режим доступа: https://www.newsru.com/cinema/13feb2021/ok_boomer.html (дата обращения: 30.11.2021).

Библиография

Быкова Е. В. Грета Тунберг как медиатизированный феномен // Медиалингвистика. Материалы международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа, этики и права. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2020. С. 27–31.

Бродский Н. Л., Сидоров Н. П. Литературные манифесты: от символизма до «Октября» М.: Аграф, 2001.

Володенков С. В. Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2014. 4. С. 1–13.

Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 3–24. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.324

Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.

Данилов М. В. Явление «политизации» в современном обществе: постановка исследовательской проблемы // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. № 9 (1). С. 92–96.

Ильчева Ю. А. Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства // Медиаскоп. 2013. № 2. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/1335 (дата обращения: 27.06.2022).

Казаков В. П. Интернет как информационное пространство взаимодействия политического лидера и общества // Информатика и образование. 2007. № 2. С. 28–31.

Киняшева Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тул. гос. ун-та . Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–11.

Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе: сб. ст. / под ред. *Г. Я. Солганика*. М., 2000. С. 94–106.

Козырев Г. И. Политическая конфликтология. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008.

Медиация: учебник / под ред. *А. Д. Карпенко, А. Д. Осиновского*. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016.

Лекторова Ю. Ю. Политическая коммуникация в информационном пространстве: опыт теоретико-методологического осмысления // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Политология. 2011. № 1 (13). С. 71–80.

Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303–304.

Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» М.: Аграф, 2001.

Миронова Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: НВИ: Тезаурус, 1997.

Несмашный А. О. Интернет-технологии в политике и политические информационные интернет-технологии: различия в сущности и содержании понятия // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 59–64.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Роменков А. В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы // Власть. 2008. № 7. С. 79–83.

Томас А., Томас Д. Ребенок в Америке: Поведенческие проблемы и программы. Нью-Йорк: Кнопф. WI Thomas, 1928.

Altheide D. L. (2016) *Media Logic. The International Encyclopedia of Political Communication*. DOI: 10.1002/9781118541555.wbiepc088

Altheide D. L., Snow Robert P. (1979) *Media Logic*. Beverly Hills: Sage Publications.

Bobba G., Hubé N. (eds.) (2021) *Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-66011-6

Gavra D, Dekalov V. (2018) Communicative capital and communicative exploitation in digital society. In *Proceedings of the 2018 IEEE communication strategies in digital society workshop, COMSDS*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324997736_Communicative_capitaland_communicative_exploitation_in_digital_society (accessed: 27.11.2021).

Hills M. D. (2002). Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory. *Online Readings in Psychology and Culture* 4 (4). DOI: https://doi.org/10.9707/2307-0919.1040

Hjarvard S. *(*2008) The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review* 29 (2): 105–134.

Hjarvard S. (2012) Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion. In M. Lövheim, S. Hjarvard (eds.) *Medialization and religion: Nordic perspectives*. Göteborg: Nordicom. Pp. 21–43.

Johnson C. (2012) *The Information Diet: A Case for Conscious Consumption*. Cambridge: O'Reilly Media. Available at: https://archive.org/details/informationdietc0000john (accessed: 28.06.2022).

Kobellarz J. K., Brocic M., Graeml A. R., Silver D., Silva T. H. (2021) Popping the bubble may not be enough: news media role in online political polarization. *Computer Science. Social and Information Networks*. Available at: https://arxiv.org/abs/2109.08906 (accessed: 27.11.2021). DOI: https://doi.org/10.48550/arXiv.2109.08906

Kopecka-Piech K. (2020) Methodological Aspects of Research on Mediatization and Demediatization... of Everyday Life. Current State and Key Challenges. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia de Cultura* 12 (4): 113–121. Available at: https://www.researchgate.net/publication/351596686_Methodological_Aspects_of_Research_on_Mediatization_and_Demediatization_of_Everyday_Life_Current_State_and_Key_Challenges (accessed: 28.06.2022). DOI: 10.24917/20837275.12.4.9

Rauch J. (2014) Constructive rituals of demediatization: Spiritual, corporeal and mixed metaphors in popular discourse about unplugging. *Source: Explorations in Media Ecology* 13 (3-4): 237–252 (16). DOI: https://doi.org/10.1386/eme.13.3-4.237_1

Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*. London; New York.

Song Y., de Zúñiga H. G., Boomgaarden H. G. (2020) Social Media News Use and Political Cynicism: Differential Pathways Through "News Finds Me" Perception. *Mass Communication and Society* 23 (1): 47–70. DOI: https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1651867

Strauß N., Alonso-Muñoz L., Gil de Zúñiga H. (2020) Bursting the filter bubble: the mediating effect of discussion frequency on network heterogeneity. *Online Information Review* 44 (6): 1161–1181. Available at: https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OIR-11-2019-0345/full/html (accessed: 27.11. 2021). DOI: https://doi.org/10.1108/OIR-11-2019-0345

Suetzl W. (2017) Beyond the digital swarm? Byung-Chul Han's critical media pessimism. *AoIR Selected Papers of Internet Research*. Available at: https://journals.uic.edu/ojs/index.php/spir/article/view/10202 (accessed: 28.06.2022).

Min S. J., Donghee Yvette Wohn D. Y. (2020) Underneath the Filter Bubble: The Role of Weak Ties and Network Cultural Diversity in Cross-Cutting Exposure to Disagreements on Social Media. *The Journal of Social Media in Society* 9 (1): 22–38. Available at: https://www.thejsms.org/index.php/JSMS/issue/view/19 (accessed: 27.11.2021)

Wiesner C. (ed.) (2021) *Rethinking Politicisation in Politics, Sociology and International Relations. Palgrave Studies in European Political Sociology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-54545-1.

Notes

Anisimova N. (2021) MHAT otmenil spektakl s Buzovoj iz za plohih prodazh biletov [Moscow Art Theater Canceled the Play with Buzova Because of Poor Ticket Sales]. *RBK*, 31 October. Available at: https://www.rbc.ru/society/31/10/2021/617e51219a794702b77553a3 (accessed: 30.11.2021).

Bogdanova N. (2016) Shou dlya zhivoderov? Pochemu obshchestvennost protiv vystavki Fabra v Ermitazhe [A Show for Flayers? Why the Public Is Against the Fabre Exhibition in the Hermitage] *Argumenty i fakty,* 14 November. Available at: https://spb.aif.ru/culture/event/shou_dlya_zhivoderov_obshchestvennost_protiv_vystavki_yana_fabra_v_ermitazhe (accessed: 30.11.2021).

Bogomolov K. (2021) Konstantin Bogomolov. Pohishchenie Evropy 2.0. Manifest rezhissera [Konstantin Bogomolov. The Abduction of Europa 2.0. The Director's Manifesto]. *Novaya gazeta*, 14 February. Available at: https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-20 (accessed: 30.11.2021).

Chernyh E. (2020) *Istoriya Harvi Vajnshtejna*: *kak glavnyj seks manyak Gollivuda poluchil 23 goda tyurmy* [The Story of Harvey Weinstein: How Hollywood's Main Sex Maniac Received 23 Years in Prison]. *Komsomolskaya Pravda*, 4 March. Available at: https://www.kp.ru/daily/27104.7/4177999/ (accessed: 31.11.2021)

Ivanova E. (2021) Skandal s Kevinom Spejsi dovel do shtrafa. Pochemu sud vstal na storonu sozdatelej Kartochnogo domika [The Scandal with Kevin Spacey Led to a fine. Why the Court Sided with the Creators of the House of Cards]. *Kommersant,* 2 November. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/5089188 (accessed: 21.11.2021).

Novichkov M. *Opera Tangejzer*: *v chem sut skandala*? *Tangejzer, Vagner* [Opera Tannhäuser: What is the Essence of the Scandal? Tannhäuser, Wagner]. *FB.ru,* 18 March. Available at: https: //fb.ru/article/236546/opera-tangeyzer-v-chem-sut-skandala-tangeyzer-vagner (accessed: 31.11.2021).

Na manifest Bogomolova ob ehticheskom rejhe v Evrope otvetili otkrytym pismom iz dvuh slov (2021) [Bogomolov's Manifesto on the Ethical Reich in Europe Was Responded with an Open Letter of Two Words]. *News.ru,* 13 February. Available at: https://www.newsru.com/cinema/13feb2021/ok_boomer.html (accessed: 31.11.2021).

Presledovanie Ivana Golunova [Ivan Golunov's Prosecution]. *RBK*. (In Russian). Available at: https://www.rbc.ru/story/5cfbf5a29a794749a3b2f670 (accessed: 31.11.2021).

Romanova N., Larina Y. (2019) Prikasalsya i celoval. Plasido Domingo obvinili v seksualnyh domogatelstvah ["Touched and Kissed." Placido Domingo Accused of Sexual Harassment]. *RT*, 13 August. Available at: https://russian.rt.com/nopolitics/article/658471-plasido-domingo-domogatelstva (accessed: 31.11.2021)

Vyrypaev I. (2021) Ivan Vyrypaev. Vozvrashchenie "pohishchennogo" Zapada v otvet na statyu Konstantina Bogomolova "Pohishchenie Evropy 2.0." [Ivan Vyrypaev. The Return of the "Abducted" West in Response to the Article by Konstantin Bogomolov "The Abduction of Europa 2.0."] *Novaya gazeta*, 14 February. No 11. Available at: https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-20 (accessed: 30.11.2021).

Zasedanie diskussionnogo kluba "Valday" 21 oktyabrya 2021 goda [The Meeting of the Valdai Discussion Club] October, 21] (2021) Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975 (accessed: 27.11.2021).

References

Altheide D. L. (2016) *Media Logic. The International Encyclopedia of Political Communication*. DOI: 10.1002/9781118541555.wbiepc088

Altheide D. L., Snow Robert P. (1979) *Media Logic*. Beverly Hills: Sage Publications.

Bobba G., Hubé N. (eds.) (2021) *Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-66011-6

Brodskiy N. L., Sidorov N. P. (2001) *Literaturnye manifesty: ot simvolizma do «Oktyabrya»* [Literary Manifestos: from Symbolism to "October"]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian)

Bykova E. V. Greta Tunberg kak mediatizirovannyy fenomen [Greta Thunberg as a Mediatized Phenomenon]. In *Medialingvistika. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk v koordinatakh massmedia, etiki i prava*. [Media Linguistics. Proceedings of the International Scientific Conference "Language in Terms of Mass Media, Ethics and Law"]. St. Petersburg State Univ. Pp. 27–31. (In Russian)

Danilov M. V. (2009) Yavlenie "politizatsii" v sovremennom obshchestve: postanovka issledovatel'skoy problemy [The Phenomenon of Politization in Modern Society: Research Problem Statement]. *Izvestiya Saratov. un-ta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* 9 (1): 92–96. (In Russian)

Gavra D. P., Bykova E. V. (2021) Mediatizirovannaya mobilizatsiya protesta v sotsial'nykh setyakh: algoritmy postroeniya rechevykh strategiy [Mediatized Protest Mobilization on Social Networks: Algorithms for Creating Speech Strategies]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 3–24. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.324 (In Russian)

Gavra D, Dekalov V. (2018) Communicative Capital and Communicative Exploitation in Digital Society. In *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Sstrategies in Digital Society Workshop, COMSDS*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324997736_Communicative_capitaland_communicative_exploitation_in_digital_society (accessed: 27.11.2021).

Gureeva A. N. (2016) Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy [Theoretical Understanding of Mediatization in the Digital Environment]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 6: 192–208. (In Russian)

Hills M. D. (2002). Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory. *Online Readings in Psychology and Culture* 4 (4). DOI: https://doi.org/10.9707/2307-0919.1040

Hjarvard S. (2008) The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review* 29 (2): 105–134.

Hjarvard S. (2012) Three Forms of Mediatized Religion. Changing the Public Face of Religion. In M. Lövheim, S. Hjarvard (eds.) *Medialization and Religion: Nordic Perspectives*. Göteborg: Nordicom. Pp. 21–43.

Il'cheva Yu. A. (2013) Mobilizatsionnye tekhnologii: sushchnost', predposylki vozniknoveniya, osnovnye instrumenty i sredstva [Mobilization Technologies: Their Essence, Background. Major Tools and Means]. *Mediascope* 2. Available at: http://www.mediascope.ru/node/1335 (accessed: 27.06.2022). (In Russian)

Johnson C. (2012) *The Information Diet: A Case for Conscious Consumption*. Cambridge: O'Reilly Media. Available at: https://archive.org/details/informationdietc0000john (accessed: 28.06.2022).

Karpenko A. D., Osinovskyy A. D. (eds.) (2016) *Mediatsiya: Uchebnik* [Mediation: a Textbook]. St. Petersburg: Redaktsiya zhurnala "Treteyskiy sud" Publ.; Moscow: Statut Publ. (In Russian)

Kazakov V. P. (2007) Internet kak informatsionnoe prostranstvo vzaimodeystviya politicheskogo lidera i obshchestva [The Internet as an Information Space for the Interaction of a Political Leader and Society]. *Informatika i obrazovanie* 2: 28–31. (In Russian)

Kinyasheva Yu. B. (2018) Sotsial'nye seti kak instrument politicheskoy mobilizatsii grazhdan v sovremennoy Rossii [Social Networks as a Tool for Political Mobilization of Citizens in Modern Russia]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* 3: 3–11. (In Russian)

Klushina N. I. (2000) Yazykovye mekhanizmy formirovaniya otsenki v SMI [Verbal Mechanisms of Building Evaluation in Mass Media]. In G. Ya. Solganik (ed.) *Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve: sb. st.* [Opinion Journalism and Information in Modern Society: a Collection of Articles]. Moscow. Pp. 94–106. (In Russian)

Kobellarz J. K., Brocic M., Graeml A. R., Silver D., Silva T. H. (2021) Popping the Bubble May not be Enough: News Media Role in Online Political Polarization. *Computer Science. Social and Information Networks*. Available at: https://arxiv.org/abs/2109.08906 (accessed: 27.11.2021). DOI: https://doi.org/10.48550/arXiv.2109.08906

Kozyrev G. I. (2008) *Politicheskaya konfliktologiya* [Political Conflictology]. Moscow: ID «FORUM»: INFRA-M Publ. (In Russian)

Lektorova Yu. Yu. (2011) Politicheskaya kommunikatsiya v informatsionnom prostranstve: opyt teoretiko-metodologicheskogo osmysleniya [Political Communication in the Information Space: the Experience of Theoretical and Methodological Comprehension]. *Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Politologiya* 1 (13): 71–80. (In Russian)

Lyapon M. V. (1990) Modal'nost' [Modality]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. Pp. 303–304. (In Russian)

Merezhkovskiy D. S. (2001) O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury [On the Causes of Decline and on New Trends in Modern Russian Literature]. In *Literaturnye manifesty: ot simvolizma do "Oktyabrya"* [Literary Manifestos: from Symbolism to "October"]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian)

Min S. J., Donghee Yvette Wohn D. Y. (2020) Underneath the Filter Bubble: The Role of Weak Ties and Network Cultural Diversity in Cross-Cutting

Exposure to Disagreements on Social Media. *The Journal of Social Media in Society* 9 (1): 22–38. Available at: https://www.thejsms.org/index.php/JSMS/issue/view/19 (accessed: 27.11.2021).

Mironova N. N. (1997) *Diskurs-analiz otsenochnoy semantiki* [Discourse Analysis of Evaluative Semantics]. Moscow. (In Russian)

Nesmashnyy A. O. (2017) Internet-tekhnologii v politike i politicheskie informatsionnye Internet-tekhnologii: razlichiya v sushchnosti i soderzhanii ponyatiya [Online Technologies]. *Sotsium i vlast'* 2 (64): 59–64. (In Russian)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow. (In Russian)

Rauch J. (2014) Constructive Rituals of Demediatization: Spiritual, Corporeal and Mixed Metaphors in Popular Discourse About Unplugging. *Source: Explorations in Media Ecology* 13 (3-4): 237–252(16). DOI: https://doi.org/10.1386/eme.13.3-4.237_1

Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*. London; New York.

Romenkov A. B. (2008) Internet-blog kak instrument politicheskoy bor'by [Internet Blogs as Tools of Political Struggle]. *Vlast'* 7: 79–83. (In Russian)

Song Y., de Zúñiga H. G., Boomgaarden H. G. (2020) Social Media News Use and Political Cynicism: Differential Pathways Through "News Finds Me" Perception. *Mass Communication and Society* 23 (1): 47–70. DOI: https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1651867

Strauß N., Alonso-Muñoz L., Gil de Zúñiga H. (2020) Bursting the Filter Bubble: the Mediating Effect of Discussion Frequency on Network Heterogeneity. *Online Information Review* 44 (6): 1161–1181. Available at: https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OIR-11-2019-0345/full/html (accessed: 27.11. 2021). DOI: https://doi.org/10.1108/OIR-11-2019-0345

Suetzl W. (2017) Beyond the Digital Swarm? Byung-Chul Han's Critical Media Pessimism. *AoIR Selected Papers of Internet Research*. Available at: https://journals.uic.edu/ojs/index.php/spir/article/view/10202 (accessed: 28.06.2022).

Tomas A. Tomas D. (1928) *Rebenok v Amerike. Povedencheskie problemy i programmy* [The Child in America. Behavior Problems and Programs]. New York: Knopf. WI Thomas.

Volodenkov S. V. (2014) Osobennosti interneta kak sovremennogo prostranstva politicheskikh kommunikatsiy [The Internet as a Modern Space for Political Communications]. *Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta* 4: 1–13. (In Russian)

Wiesner C. (ed.) (2021) *Rethinking Politicisation in Politics, Sociology and International Relations. Palgrave Studies in European Political Sociology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-54545-1

Поступила в редакцию
02.12.2021